

Неумное и вредное высокомерие

(ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОПРОВЕРЖЕНИЯ)

10 марта в «Звезде» было опубликовано письмо врача Ландышевой-Кореневской о возобновлении постановки оперы «Князь Игорь» в Молотовском театре оперы и балета. Тов. Ландышева-Кореневская высказала неудовлетворенность тем, как возобновлено на сцене театра одно из ценнейших и идейно и художественно отношений произведений русской оперной классики. Она указывала на недостатки режиссерской работы и декоративного оформления спектакля. Исполнительно, что русская патристическая опера показала зрителю в худшем виде, чем, например, опера «Риголетто», на которую затратили немало сил и средств» — писала Ландышева-Кореневская.

В самом деле, опера «Риголетто» тоже раньше шла на сцене нашего театра. Но сейчас театр сделал несомненный шаг вперед в ее новой постановке. «Князь Игорь» был просто возобновлен и в этом случае театр не сделал шага вперед. Выражая мнение значительной части зрителей, тов. Ландышева-Кореневская сожалела, что здесь театр не использовал полностью своих творческих и технических возможностей.

Редакция получила из театра отклик на выступление тов. Ландышевой-Кореневской. Это — письмо, написанное в подлинном по поручению партийного бюро музыкальным руководителем и главным дирижером тов. Людмилием, главным режиссером Келлером и секретарем организации тов. Бойкиня.

Тт. Людмила, Келлер и Бойкиня высказываются, разумеется, за критику и самокритику. «Театру необходимо получать критическую оценку своей повседневной работы» — пишут они. «Театр с радостью примет от газеты «Звезда» каждое критическое замечание, помогающее ему преодолевать имеющиеся недочеты». Это — вообще.

А в частности, в данном конкретном случае?

В частности же авторы письма обрушивают на зрителя, высказавшего в печати свое мнение о спектакле, громы и молнии. Письмо Ландышевой-Кореневской, по их мнению, бездоказательно и крайне субъективно, утверждения, содержащиеся в нем, голословны, автор письма не имеет ни профессиональных знаний, ни чувства ответственности перед общественностью и театром и так далее и тому подобное...

Все письма тт. Людмила, Келлера и Бойкиня исполненно высокомерно. Подумайте, зритель, рядовой зритель «дискредитирует высококвалифицированный коллектив оркестра», осмелывается давать замечания дирижеру, и какому — заслуженному артисту РСФСР, лауреату Сталинской премии! — возмущаются подписавшие письмо работники театра.

В спектакле заняты те же артисты, что исполняли премьеру в 1944 году, — напоминают тт. Людмила, Келлер и Бойкиня. «Естественно», — пишут они, — что вокальное и сценическое мастерство этих артистов за это время выросло и цаходится на более высоком художественном уровне, чем четыре года назад. Но тов. Ландышева-Кореневская, не считаясь с этим фактом, подтвержденным

нашим правительством, наградившим тт. Сильвестрову и Куликову званием заслуженных артистов Республики, а т. Рудякова — орденом, опять бездоказательно пишет: «Многие партии не продуманы в отношении нюансировки и характерных красок». Так говорится в письме-опровержении.

Подумайте, — правительство наградило артистов, наградило, как известно, и весь театр, а зритель осмеливается высказать свое недовольство! Такой центральный аргумент тт. Людмила, Келлера и Бойкиня.

Как это плохо звучит!

Наши советские люди всегда воспринимали правительственную награду не только как признание своих заслуг, но и как призы работать лучше. Разв' станет, предположим, ниже орденпоисец, говорить: «Не смеют меня критиковать, меня наградило правительство, значит, я работал хорошо».

Советским людям чуждо высокомерное отношение к критике (даже когда эта критика бывает малоквалифицированной с точки зрения профессиональной), советские люди никогда не считают, что правительственная награда ограждает их от каких-либо замечаний. К сожалению иные нравы воспитаны у некоторой части коллектива нашего оперного театра.

Что же, может быть авторы отрицают правильность основного замечания т. Ландышевой-Кореневской?

Оказывается, нет. Они пишут: «Князьно, и спектакле имеются отдельные недостатки. Конечно, спектакль, сделанный в 1944 году, сейчас в некоторых своих моментах кажется менее совершенным и ярким, чем последние работы театра».

Но ведь это же высказала и т. Ландышева-Кореневская, выразившая совершенно законное желание зрителя, чтобы театр двигался вперед и тогда, когда он возобновляет старые постановки, особенно если речь идет о такой замечательной опере, как «Князь Игорь».

Не лучше ли было бы партийному бюро театра использовать критику зрителя для того, чтобы устранить недостатки спектакля, сделать его совершеннее?

Но по-иному пути пошли руководящие работники театра. Они решили защищать честь мундира и опровергают все критические замечания, ни слова не говоря о том, что же делается для устранения «отдельных недостатков» спектакля, наличие которых сами признают.

В письме тт. Людмила, Келлера и Бойкиня содержится следующая фраза:

«Театр поставил перед собой основную задачу реализации все указания исторического решения ЦК ВКП(б) об опере Вагнера «Волшебная дубка»».

Правильное, хорошее стремление! Только не заметили тт. Людмила, Келлер и Бойкиня главного в постановлении ЦК ВКП(б) — а именно, требования, чтобы деятели советской музыки с уважением относились к своим слушателям, стремились лучше и лучше служить своему народу.

Такое непонимание главного очень опасно. Зритель, несомненно, любящий свой оперный театр, все же не простит ему пренебрежения к своему голосу.